

**В ЭТОМ
НЕТ СОМНЕНИЯ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Всю последнюю неделю я просидел в одиночестве в своей квартирке в доме без лифта, глядя на стену и ожидая чуда. У меня кончились деньги и кредит, что было еще хуже. Со всем миром меня связывал только телефон, и, когда раздался звонок, первый за семь тоскливых дней, я чуть ли не сломя голову бросился к аппарату.

— Говорит секретарь Лу Прентца.

— Привет, Лиз!

В любой ситуации я оставался актером... Вот и сейчас в моем голосе звучало искреннее удовольствие. Не отчаянный призыв о помощи... Нет, я говорил ровно, свободно, без паники.

— Вы поймали меня в самую последнюю минуту, я собирался уходить.

Я знал, что этот жизнерадостный диалог не обманет Лиз Мартин, но и она притворится, что принимает его всерьез. Она достаточно долго работала у Лу Прентца, чтобы знать — все его клиенты сидят без работы и готовы взяться за любую.

— Мистер Прентц хочет срочно вас видеть, мистер Стивенс, — сказала она. — Можем ли мы вас ждать?

— Что значит «срочно»?

— После ланча. В три часа.

Было время, когда Лу Прентц разговаривал со мной о делах за роскошным завтраком, но это было в далеком

прошлом. Теперь же он хотел меня видеть только для того, чтобы в очередной раз напомнить, что я ему должен пятьсот три доллара.

— Он волнуется из-за моего долга, Лиз? — спросил я робко. — Ради этого он меня и вызывает?

— Работа, мистер Стивенс...

— Я буду в три часа.

Положив трубку, я глубоко вздохнул. Господи, я готов схватиться за любую работу!

Несколько лет назад мне улыбалась фортуна! Я играл лихих парней в вестернах. Потом перешел на «приятеля, который никогда не добивается девушки». Второстепенная роль... После этого я уже был парнем, которого застрелили в самом начале фильма. Затем — типом, который появляется всего на минуту с угрожающим видом. И наконец, ничего путного, мелкие роли... Потом более крупная роль в телевизионном многосерийном фильме... А теперь, как у нас принято выражаться, я «отдыхал».

Мне было под сорок. Высокий, интересный, темноволосый. Разведенный. Мой гардероб, о котором я очень заботился, начал проявлять признаки заношенности. А я все ждал и ждал... Я так глубоко опустил, что позволял себе за день проглотить только одну булочку с рубленным бифштексом и не смел отойти от телефона. И однако, я надеялся еще на удачу...

Известно, что Лу Прентц был последней линией отступления для стареющих и не пользующихся успехом актеров и актрис. Когда все крупные, не очень крупные и даже малозначительные агентства больше тобой не интересовались, Лу не отказывался попытаться. Он частенько говаривал со своей масляной улыбкой: «Кто знает? Какой-нибудь новичок может на тебя клюнуть. А это — доллары в мой карман!»

Отдавая должное Лу, нужно сказать, что последние шесть месяцев он поддерживал меня, когда волки уже завывали

у меня под дверью. Вручая мне деньги в долг, он объяснял, что верит в меня. Он был убежден, что вернет свои деньги назад и получит еще двадцать пять процентов сверху. Я брал деньги и с радостью соглашался с ним, но в душе чувствовал, что он рискует. Я дошел до того, что даже продал машину.

Но раз Лиз сказала, что есть работа, значит так оно и было.

Лиз Мартин была умудренной опытом молодой особой. Последние три года она работала на Лу. Если есть на свете люди с золотыми сердцами, то Лиз — одна из них. Я видел, как она плакала, когда Лу выставил из своего офиса одну тощую старую актрису.

Лиз печатала как ненормальная, когда я вошел в крохотную комнатку, которая служила внешним помещением конторы. Я подарил девушке свою широкую дружескую улыбку.

Лиз была миниатюрной блондиночкой с большими голубыми глазами, взгляд которых чем-то напоминал мне взгляд спаниеля. Они были немного скорбные, но жаждущие любви.

— Привет, Лиз! — воскликнул я, прикрывая дверь. — Аллигатор больше не дробит кости?

Она кивнула мне и указала на дверь Лу:

— Входите сразу, мистер Стивенс, и желаю удачи!

Лу Прентц сидел за своим столом, его короткие руки с толстыми пальцами покоились на заляпанном пресс-папье, глаза были закрыты. Судя по кирпично-красному оттенку его физиономии, он ухитрился понизить уровень скотча в бутылке за чужой счет.

Лу был непомерно раздобревшим коренастым коротышкой. Лысеющий и чисто выбритый, если не забывал побриться, он напоминал безалаберного дядюшку, вернувшегося под родной кров в поисках доллара. Одет он был постоянно в один и тот же лоснящийся от времени синий

костюм, предпочитал носить рубашки бутылочно-зеленого цвета и неопишимо яркие галстуки.

Только после того, как он открыл глаза, я вспомнил, что он был не только наблюдательный и проникающий, но и твердый, как вольфрамовая сталь.

— Садись, Джерри, — сказал он, указывая на стул для клиентов. — Думаю, что подвернулось кое-что полезное для тебя.

Я сел очень осторожно, зная по опыту, что этот стул был такой же удобный, как Железная Дева, и поставлен был специально, чтобы отделяться от клиентов в наикратчайшее время.

— Ну, вы прекрасно выглядите, — сказал я. — Мы давно не виделись.

— Обойдемся без великосветской беседы, — сказал он, усмехаясь. — Сначала послушай... — Его маленькие глазки придирчиво рассматривали меня. — Ты мне должен пятьсот три доллара...

— Не будем заниматься прошлой историей, Лу... Что подвернулось?

— Я напоминаю тебе об этом, потому что, если ты возьмешься за эту работу, первое, что ты должен будешь сделать, — это расплатиться со мной.

— Что за работа? Телевидение?

— Я не знаю, что это за работа, но инстинктивно чувствую, что она денежная. — Он постучал по своему крючковатому носу. — Деньги будут при условии, что ты получишь эту работу.

— Вы слишком плотно позавтракали. Вы перескакиваете с мысли на мысль...

— Перестань отнимать у меня время и внимательно слушай!

Я стал слушать.

Утром, в десять часов, сказал он, в офис явился человек, назвавшийся Джозефом Дюрантом. На Лу он произвел

большое впечатление. Ему около сорока лет, упитанный, смуглый и уравновешенный. Он был безукоризненно элегантен в костюме, который можно купить лишь за большие деньги. У него были черные лакированные ботинки и галстук от Жардена. Все, вместе взятое, произвело на Лу большое впечатление. От этого человека так и веяло богатством.

Мистер Дюрант сказал, что он желает нанять актера, находящегося сейчас не у дел. Наведя справки, он выяснил, что мистер Прентц специально занимается безработными актерами.

Лу, одарив его своей елейной улыбкой, сказал, что у него имеются и другие клиенты, которые работают в кино и на телевидении, зарабатывая большие деньги.

Мистер Дюрант отбросил эту очевидную ложь. Есть ли у мистера Прентца фотографии безработных актеров, которые ищут работу?

Лу ответил, что у него сотни четыре таких фотографий, на которых запечатлены прекрасные актеры, оставшиеся в настоящее время, к несчастью, не у дел.

— Я хочу на них взглянуть, — сказал мистер Дюрант.

— Но четыреста фотографий... Может, вы могли бы мне сказать, какого рода человек вам необходим? Тогда бы я пропустил данные через свой компьютер (Лиз Мартин!) и предъявил бы вам отобранные.

Дюрант кивнул:

— Мне нужен мужчина в возрасте от тридцати пяти до сорока пяти лет. Он должен быть не ниже шести футов ростом. Очень важен его вес. Он должен быть сухощавым, уметь водить машину, ездить верхом на лошади и хорошо плавать. У него должен быть спокойный характер: меня не устраивают актеры из шоу, которые воображают себя греческими богами.

У Лу на учете было всего пятеро актеров, отдаленно подходящих под это описание. Но все они считали себя греческими богами, да еще самого высокого ранга. Он весьма

эффектно обставил отбор фотографий. Дюрант их внимательно изучил.

Снова на лице Лу появилась елеяная улыбка.

— Он остановил свой выбор на тебе, Джерри. Но он хочет лично познакомиться с тобой, прежде чем нанять.

— Что это за история? Он-то кто такой? Искатель талантов?

— Сомневаюсь... — Лу пожал плечами. — Он скрытничал... Но одно совершенно несомненно: он купается в деньгах. А именно это интересует нас с тобой обоих. Не так ли?

— В этом нет сомнения, — произнес я с чувством.

— О'кей. Тогда сегодня вечером, ровно в 10:30, отправляйся в вестибюль отеля «Плаза». Там пройди к газетному киоску и купи «Ньюсуик». Далее иди в главный бар и закажи бокал мартини. Обменяешься несколькими словами с барменом, допьешь свой мартини и вернешься в лобби. Все это сделай без спешки. За тобой будут наблюдать. Твои повадки, походка, манера держаться — все это интересует мистера Дюранта. Ты сядешь в лобби. Если ты устраиваешь мистера Дюранта, он к тебе подойдет. Если же нет, он не покажется, и через полчаса ты можешь ехать домой и позабыть об этом случае. Вот и все. Так что все зависит от тебя...

— Вы не имеете понятия, что ему нужно?

— Ни малейшего!

— О деньгах не было разговора?

— Нет. Считай это кинопробой или прослушиванием, все зависит от тебя, как я уже сказал.

Я обдумал услышанное. Все это показалось мне странным, но это могло обратиться работой...

— Он выглядел человеком с деньгами?

— От него разит деньгами!

— Ну что же, о'кей! Что я теряю, в конце концов? Я буду там.

Опять появилась знаменитая улыбка Лу.

— Хорошо. Теперь помни: ему нужен спокойный и невозмутимый характер. Этот парень имел в виду именно то, о чем говорил.

— Спокойный, невозмутимый характер? Это означает человека, со всем соглашающегося?

— Правильно, Джерри! Именно так!

— Предположим, что он меня наймет, а что в отношении денег? Вы об этом договорились?

Маленькие глазки Лу похолодели.

— Если он заговорит о деньгах, отошли его ко мне. Ведь я твой агент, верно?

— Должно быть... Вроде другого у меня и не было. — Я выдал свою мальчишескую улыбку минус искренность. — Ну, о'кей. Я там буду! — Помолчав, я продолжил: — Есть еще одна мелочь, Лу... Нам надо это разрешить, прежде чем мы расстанемся. Я иду в «Плазу», покупаю «Ньюсуик», заказываю бокал мартини... Правильно?

Он недоверчиво посмотрел на меня:

— Да, ты все это должен сделать...

Моя мальчишеская улыбка стала еще шире.

— Но как?

Лу недоумевал:

— Не понимаю...

— Давайте посмотрим прямо в глаза отвратительной действительности... Я совершенно без денег. Даже в ваш офис мне пришлось идти пешком, потому что я давно продал машину.

Лу откинулся в кресле:

— Невозможно! Я уже одолжил тебе...

— Это было шесть месяцев назад. В настоящий момент я стою один доллар и двадцать центов.

Он закрыл глаза и тихонечко застонал. Мне было видно, как он борется с собой. Наконец глаза открылись, он вытащил из пухлого бумажника двадцатидолларовую бумажку

и положил ее на стол, как будто она была из тоненького стекла.

Когда я потянулся к деньгам, он сказал:

— Тебе лучше получить эту работу, Джерри... Это последнее подаяние от меня. Если ты не получишь этой работы, не появляйся больше в моем офисе. Понятно?

Я сунул бумажку в пустой бумажник.

— Я всегда знал, что у вас золотое сердце, Лу, — сказал я. — Я буду рассказывать своим внукам о вашей щедрости. Малыши будут рыдать от умиления.

Он фыркнул:

— Теперь ты должен мне пятьсот двадцать три доллара, прибавь к этому двадцать пять процентов этой суммы. Ну, уходи!

Я вышел. У дверей сидели двое весьма потрепанного вида пожилых людей. Они ждали встречи с Лу. Их вид навевал на меня уныние, но я все же ухитрился весело улыбнуться Лиз. Потом я зашагал по улице. Приближаясь к своему убогому жилищу, я был полон надежд, как ни разу еще в своей жизни. Я надеялся, что сегодняшний день станет поворотным в моей судьбе.

Когда я вошел в вестибюль отеля «Плаза», часы показывали 22:30.

В мои лучшие времена я частенько навещался в этот отель, а в его баре и ресторане назначал свидания благосклонно расположенным ко мне куколкам. В те дни швейцар непременно приподнял бы шляпу, приветствуя меня, но сегодня он просто равнодушно скользнул по мне взглядом, спеша вниз по лестнице к подъехавшему «кадиллаку», из которого вылезли толстый мужчина и еще более толстая женщина.

Вестибюль отеля был наполнен обычной публикой, снующей взад и вперед и шумно приветствующей друг друга: мужчины в смокингах, женщины в боевом оперении. Ни-

кто не обращал на меня внимания, когда я проходил к газетному киоску. Особа, стоявшая за прилавком, очевидно, с того дня, как был построен отель, улыбнулась мне:

— Боже мой, хэлло, мистер Стивенс! Я часто о вас вспоминала. Вы уезжали?

Ну что же, хоть кто-то меня не забыл.

— Во Францию, — солгал я. — Как поживаете?

— Сносно. Никто из нас не молодеет. А вы, мистер Стивенс?

— Прекрасно! Дайте-ка мне «Ньюсуик», детка!

Она глупо заулыбалась. Нетрудно обрадовать людей, не обремененных деньгами или славой. Она протянула мне журнал, я заплатил. Затем вспомнил, что за мной могут наблюдать, и подарил ей свою чарующую улыбку, сказав, что она выглядит моложе, чем когда я видел ее в последний раз. Я оставил ее сияющей от радости и прошел через толпу к бару. Я преодолел искушение оглянуться через плечо и попытался угадать среди всех этих бездельников мистера Дюранта. Я все же надеялся, что он где-то здесь и наблюдает за моим представлением.

Бар был набит битком. Мне пришлось протискиваться между сильно надушенными женщинами и толстопузыми мужчинами.

Джо-Джо, бармен-негр, был занят коктейлями. С тех пор как я видел его в последний раз, он сильно растолстел. Он мельком посмотрел на меня, потом присмотрелся и просиял:

— Привет, мистер Стивенс! Через секунду обслужу вас!

Я уперся локтями в стойку. Еще один человек, помнящий меня...

Когда Джо-Джо наконец подошел ко мне, я спросил сухого мартини.

— Давно вас не видел, мистер Стивенс, — сказал он, потянувшись за шейкером. — Вы сильно изменились.

— Да... Ты знаешь, как это бывает...

Ему я не стал лгать, что ездил во Францию. Джо-Джо был осведомлен обо всем, что творилось в городе.

— Конечно... Мы приходим и уходим, но непременно возвращаемся в этот город...

Показалось ли мне, что он смотрит на меня с сочувствием?

— Так или иначе, приятно вас снова видеть.

Он протянул мне бокал и поспешил к группе клиентов, громко требующих вновь наполнить им бокалы.

Неожиданно я почувствовал себя замечательно. Прошло уже много времени с тех пор, как мне говорили, что рады меня видеть. Большинство моих так называемых друзей переходили на другую сторону улицы, когда замечали меня.

Я не был уверен, что моя сцена с Джо-Джо была достаточно продолжительной. Взяв в руки бокал, я оглянулся, но толпа была настолько плотной, что я не мог обнаружить кого-нибудь походившего на мистера Дюранта, каким его описал мне Лу.

Я тихонечко потягивал свой напиток и просматривал журнал. Когда Джо-Джо освободился, я знаком подозвал его:

— Пачку «Честерфильда», пожалуйста.

— Да, мистер Стивенс. — Он протянул сигареты. — Питье о'кей?

— Замечательное. Никто лучше тебя не умеет смешивать сухой мартины.

Он улыбнулся:

— На своем веку я немало его смешал!

— Я спешу, поэтому заплачу сразу.

Я положил на стойку десять долларов.

Он дал сдачу, я оставил ему чаевые.

— Надеюсь увидеть вас в скором времени снова, мистер Стивенс!

И он отправился выполнять новые заказы.

Я допил martini, закурил сигарету, потом отправился в лобби. Толпа заметно поредела, часть людей прошла в ресторан, другие потянулись к выходу.

Теперь мое сердце бешено колотилось. Появится ли мистер Дюрант? Постаравшись, чтобы на моей физиономии не было заметно, какие сомнения меня булеревают, я направился к одному из мягких кресел. Усевшись, я открыл журнал и стал смотреть в него, ничего не видя. Допустим, я провалился... Что-то никто не спешит подойти ко мне...

Не горячись, сказал я себе, и раздавил окурок в пепельнице, стоявшей рядом со мной. Закинув ногу на ногу, я принялся перелистывать журнал.

Прошло двадцать длиняющихся минут, и ничего не произошло... К этому времени вестибюль почти опустел. Я осмотрелся. На порядочном расстоянии от меня сидела пожилая пара, тощий мужчина и еще более тощая женщина разговаривали с дежурным администратором. Четверо мальчишек-посыльных сидели на скамейке, ожидая появления новых визитеров. Отдельно от всех сидела маленькая старушка, выглядела она всеми забытой и растерянной. Ее единственным компаньоном был карликовый пудель. Двое мужчин, дымя сигаретами, разглядывали какие-то бумаги. Никто даже отдаленно не напоминал мистера Дюранта.

Я ждал, мне не оставалось ничего другого. Мне казалось, что я постепенно погружаюсь в черное облако депрессии. А через пятнадцать минут это облако вообще стало непроницаемым.

Я провалился!

Отложив журнал, я закурил сигарету. Ну и что же мне делать? Я подумал о долге, утомительном пути назад, домой. Ехать на такси мне было не по карману. Лишившись финансовой поддержки Лу, я мог потерять и то небольшое, что у меня еще было. Хотя бы крышу над головой...

Насколько серьезен был Лу, запретивший мне показываться в его офисе в случае, если меня постигнет неудача?

Пораскинув умом, я решил, что он блефовал. Нет, он не выпустит меня из своих когтей, пока я с ним не рассчитаюсь!

Ну что же, надо возвращаться домой и вновь бесконечно ожидать телефонного звонка... То, что осталось от подачи Лу, спасет меня на некоторое время от голодной смерти.

В вестибюле было так уютно... Меня никто не беспокоил. Мне так не хотелось отсюда уходить и пускаться в ужасно длинную дорогу! Поэтому я откинулся на спинку кресла и вынудил себя заинтересоваться людьми, оставшимися в вестибюле. Тощие мужчина и женщина ушли. Пожилую пару окликнула другая пожилая пара, и они отправились в ресторан. Двое бизнесменов все еще курили и что-то оживленно обсуждали.

Мои глаза обратились к маленькой пожилой даме с пудельком.

Вестибюли отелей кишат маленькими пожилыми дамами. Некоторые из них худощавые, другие толстухи, но они всегда бывают в гордом одиночестве. И эта старушка была типичным экземпляром. Я подумал, что она, вероятно, овдовела, у нее были деньги, теперь она совершала турне по Калифорнии, после которого вернется в свой собственный дом, где дворецкий и несколько пожилых горничных бесстыдно обкрадывают ее. Она тратила деньги только на себя. На ней был великолепный парик пепельной блондинки, ее очки были в дорогой оправе, ее платье изумрудного цвета было, скорее всего, от Бальмэна, а на пальцах сверкали бриллианты.

Я почувствовал, что она смотрит на меня, и моментально отвел глаза, но даже после этого чувствовал на себе ее взгляд.

Господи! Неужели же я произвел впечатление на эту старушку? Похоже на то, потому что она выбралась из своего кресла, подхватила на руки собачонку и подошла ко мне.

— Вы, должно быть, мистер Джерри Стивенс?! — воскликнула она, подходя к моему креслу.

Боже, подумал я, поднимаясь, только этого мне не хватало! Но я подарил ей свою чарующую улыбку.

— Мистер Стивенс, я не хочу быть назойливой, но чувствую, что мне необходимо вам сказать, как мне нравилось исполнение вами роли шерифа в «Икс-ранчо»!

Из всех бездарных фильмов, в которых мне довелось играть, «Шериф из Икс-ранчо» был самым скверным!

Я повторил свою улыбку:

— Вы очень любезны, мадам! Благодарю вас!

— Я не пропустила ни одного фильма с вашим участием, мистер Стивенс, — продолжала она в экстазе. — У вас необычайный талант!

Талант? Мне показалось, что где-то рядом насмешливо хохочет Лу...

Я внимательно посмотрел на старушку и испытал подобие шока. Эта женщина не была обычной одинокой старушкой из отеля. В ее темно-серых глазах чувствовалась сталь, а ее губы были необычайно тонкими.

— Благодарю вас, — повторил я, не имея понятия, что можно сказать еще.

Она разглядывала меня с улыбкой.

— Я собиралась отправиться пообедать... Интересно знать, не согласились ли бы вы составить мне компанию?

После короткой паузы она продолжала:

— Ох, мистер Стивенс, согласитесь, пожалуйста, быть моим гостем! Это доставит мне колоссальное удовольствие!

Новая пауза. Видя, что я колеблюсь, она добавила:

— Я бы так хотела послушать о вашей работе... Но возможно, вы уже пообедали?

Пообедал? Моя последняя еда состояла из заветренной отбивной на куске хлеба в полдень... У меня уже давно сосало под ложечкой.

Но все равно я не решался. Прошло уже минут сорок, у мистера Дюранта было сколько угодно времени, чтобы подойти ко мне. Эта старушка была, несомненно, богата.

«Будьте моим гостем!» Я не мог противиться такому приглашению. Мысль об огромной сочной отбивной и жареном картофеле наполнила мой рот слюной.

— Это было бы очень приятно. Благодарю вас!

Она потерла руки:

— Я так рада! Я не думала... — Она заулыбалась. — Тогда пойдёмте! Я обожаю вестерны, я убеждена, вы сумеете мне объяснить, как их снимают. Наверное, имеется масса интересных трюков?

Она двинулась к выходу. Я поразился, потому что решил, что мы пообедаем в ресторане... Но поскольку она бодро шла вперед, я вынужден был отправиться следом.

Когда мы оказались на крыльце, швейцар приподнял перед ней шляпу и поклонился, потом громко свистнул. Почти сразу же из темноты вынырнул темно-синий «роллс». Шофер-японец в серой униформе и островерхой фуражке распахнул дверцу.

— Неподалеку есть приятный небольшой ресторан, — заявила она, останавливаясь. — Вы должны его знать. «Венхау». Вы не против пообедать там?

«Венхау»! Я там ни разу не был, но слышан, о нем. Лучший ресторан в городе. Даже в дни моего взлета я не осмеливался взглянуть на его цены.

Прежде чем я смог что-либо ответить, она уже влезла в машину. Немного ошеломленный, но чувствуя, что черное облако депрессии рассеивается, я сел в эту роскошную машину рядом со старушкой.

Шофер скользнул на свое место и совершенно незаметно влился в общий поток транспорта.

— Мадам, — произнес я, улыбаясь в ее направлении, — я так и не слышал вашего имени...

— Как глупо с моей стороны!

Она дотронулась пальцами до моей руки. Пудель соскочил с ее колен, где он было примостился, и прыгнул ко мне на колени. Паршивец принялся лизать мое лицо. Мне это

было настолько неприятно, что я позабыл обо всякой вежливости и довольно-таки бесцеремонно сбросил его с колен на пол. И в этот момент я почувствовал резкий укол в бедро.

Собачонка, жалобно скуля, завертелась на полу.

Я выпрямился:

— Мадам! Ваша собака меня укусила.

— Дорогой мистер Стивенс... Вы, должно быть, ошиблись! Уверена, что Куки не способен сделать что-либо подобное! Он самое кроткое создание и обожает...

Остальное я уже не слышал.

Комната была просторной, красиво обставленной и освещенной большим количеством притушенных ламп. Я лежал на двуспальной кровати. Голова у меня трещала, во рту пересохло. С большим трудом мне удалось приподняться и ошеломленно осмотреться. На стене в изножье кровати имелось большое зеркало. Мое изображение в нем сказало мне о том, что я не только ошеломлен, но и немало напуган.

Роскошная обстановка несколько успокоила меня. Огромные деньги были потрачены на то, чтобы сделать эту комнату не просто удобной. Ну а деньги всегда вселяют в меня чувство уверенности. Тяжелые шторы на окнах были задернуты.

Я взглянул на часы. Они показывали 8:45. Утра или вечера? Как долго я лежал на этой кровати? В «роллс» я сел ровно в 23:00. Я вспомнил об уколе в бедро, который посчитал укусом собачонки... И я сразу же запаниковал: старушонка сделала мне укол какого-то быстродействующего наркотика...

Великий боже, подумал я, меня похитили!

Я встал с кровати, подошел к окну и откинул шторы. Крепкие стальные жалюзи закрывали окно. Я схватился за переплет, но даже потрясти его не смог. Повернувшись, я осмотрелся и пошел к двери, но, не дойдя до нее пару ша-

гов, убедился, что она без ручки. Дверь была такой же неподдающейся, как и ставни на окнах. Тогда я прошел в ванную. Роскошное оборудование, но без окна. Я заглянул в стенной шкафчик. Там были две зубные щетки в целлофановой обертке, электробритва, лосьон после бритья, губка, тоже в целлофановой обертке, и несколько кусков туалетного мыла. Я посмотрел на себя в зеркало. По щетине на физиономии я определил, что проспал всего несколько часов.

Чтобы справиться с паникой, я использовал все, что было в ванной. Это был правильный ход. Помывшись и побрившись, я почувствовал себя гораздо лучше, но понял, что очень хочу есть.

Вернувшись в комнату, я заметил шнурок звонка возле прикроватной лампочки под абажуром. Поколебавшись секунду, подумав, я дернул за шнурок пару раз.

Усевшись в большое кресло, я стал ждать. Дверь бесшумно скользнула в сторону. Вошел человек, толкающий перед собой столик на колесиках. Дверь за ним сразу же закрылась.

Были все основания назвать этого человека гигантом. Он был на целую голову выше меня, а природа меня ростом не обидела. Его плечам позавидовал бы любой тяжеловес, а огромные мускулистые ручки говорили о колоссальной силе. Голова у него была полностью выбрита, а физиономия производила одновременно комическое и ужасающее впечатление: толстый нос, безгубый рот и малюсенькие блестящие глазки. Снимаясь в вестернах, я встречался со множеством «грубиянов» и «мерзавцев» с соответствующей наружностью, но в действительности они были добродушными котятками. Но не этот тип... Его поступки наверняка были такими же непредсказуемыми, как у гориллы, и такими же опасными, как у тигра.

Он докатил столик до середины комнаты, затем посмотрел на меня. Его свирепые глазки привели меня в уныние.

Я начал что-то говорить, но тут же замолчал. Откровенно говоря, его вид напугал меня до смерти... Поэтому я сидел молча и наблюдал за тем, как он, неуклюже переваливаясь, пошел к двери, которая перед ним раздвинулась и сразу же снова встала на место.

Достав из кармана носовой платок, я обтер себе руки и лоб, но запах пищи привел меня в себя. Я подошел к столу. Что за пиршество! Толстый, сочный бифштекс, целая миска жареной картошки, блюдо оладий с кленовым сиропом, тосты, масло, мармелад и большой кофейник с кофе.

Я придвинул стул и принялся насыщаться. Пища придает силу, сказал я себе, разрезая мясо. О'кей, меня похитили, но не голодать же из-за этого!

Покончив решительно со всем, что было на тарелках, я тут же обнаружил пачку «Честерфильда» и зажигалку. Закурив, я вернулся к креслу и растянулся в нем.

Теперь я уже успокоился и мог думать о маленькой старушке и о событиях вчерашнего вечера вполне беспристрастно. Мне казалось, что она должна быть связана с мистером Дюрантом... Только этим можно было объяснить мое похищение. Я рассуждал так: мистер Дюрант решил, что я именно тот тип, которого он искал, и по известным только ему одному причинам он доставил меня в эту комнату столь оригинальным способом. Потом я подумал об Обезьяне, которая принесла завтрак, и мне снова стало не по себе. Я решил, что не стану строить из себя перед ним героя, ссориться с ним было равносильно ссоре с огнем. А это не входило в мои намерения.

Поэтому я ждал продолжения не без дрожи.

Прошло с полчаса. Я то и дело посматривал на часы, думая, когда же начнется действие, выкурил четыре сигареты и начал от нетерпения ерзать в кресле, когда дверь раздвинулась и появился Орангутан. За ним следовал невысокий, смуглый человек, в котором по лакированным ботинкам я немедленно узнал мистера Дюранта.

Когда я приподнялся в кресле, он произнес твердым, металлическим голосом:

— Сидите, мистер Стивенс!

Он подошел ко второму креслу и уселся. Я изучал его. Описание Лу было точным, но Лу не добавил, что от этого человека пахло не только богатством, но и несомненной опасностью.

Я глянул на Орангутана, застывшего у двери. Он глядел на меня точно так, как тигр обозревает предполагаемый обед. Я решил ждать первого шага Дюранта.

Он не спешил. Его суровые черные глаза изучали меня, затем его голова склонилась, и я понадеялся, что это было знаком одобрения.

— Мистер Стивенс, — соизволил он наконец заговорить, — естественно, вас интересует, что все это значит... У вас нет никаких оснований для тревоги. Просто была необходимость доставить вас сюда именно так, как это было сделано.

— Киднеппинг считается тяжким уголовным преступлением, — сказал я, негодуя на себя за то, что голос у меня звучал недостаточно веско.

— Совершенно верно...

Он взглянул на кончики своих пальцев.

— Сейчас неподходящее время для обсуждения правовых аспектов вашей доставки сюда, мистер Стивенс. Позднее, возможно, мы поговорим об этом, но не сейчас.

Он закинул ногу на ногу и покачал лакированным ботинком в мою сторону.

— Мне хотелось бы перепроверить некоторые факты в отношении вас...

Сделав многозначительную паузу, он заговорил другим тоном:

— Вы — актер, имевший успех в фильмах из жизни Дикого Запада. Примерно в течение последних шести месяцев

вы без работы. Вы ищете ее, но пока безуспешно. Все правильно?

— Ну да, я ищу работу. Вестерны в настоящее время вышли из моды, но они...

Он прервал меня:

— У вас нет денег. Фактически, мистер Стивенс, вы не только без денег, но вы и в долгу, у вас порядочная задолженность за квартиру. Правильно?

Я пожал плечами:

— Правильно...

Он кивнул.

— Полагаю, я могу предложить вам неплохую работу. Жалованье достаточно высокое... Я готов платить вам по тысяче долларов в день на протяжении как минимум тридцати дней, возможно, даже дольше, при условии, что вы подчинитесь определенным условиям.

Довольно долго я сидел в прострации.

«По тысяче долларов в день на протяжении тридцати дней, возможно, дольше».

Это не может быть правдой, подумал я. В чем же ловушка?

Однако еще раз посмотрев на этого человека, я понял, что тысяча долларов в день кажется ему сущим пустяком. Как выразился Лу, от этого человека разило деньгами.

Но я все же не был настолько ошеломлен, чтобы с ходу вцепиться в его предложение. В моем собеседнике было нечто намекавшее, что я могу нажать себе крупные неприятности... Я снова глянул на Обезьяну, который стоял совершенно неподвижно, тараща на меня глаза.

— Это звучит интересно, мистер Дюрант, — произнес я без всяких эмоций. — Что это за условия?

— Я хочу приобрести ваше чистосердечное сотрудничество. Как мне известно, вы человек спокойный, невозмутимый, это так?

— Все в мире относительно. У меня никогда не было недоразумений с начальством. Я не...

Он снова махнул рукой, останавливая меня:

— Искреннее сотрудничество... Разрешите мне это уточнить. Я готов нанять вас и платить по тысяче долларов в день, если вы будете в точности исполнять то, что от вас потребуется, без лишних вопросов и колебаний. Вот что я понимаю под «чистосердечным и искренним сотрудничеством». То, что я буду просить вас выполнять, не будет ни опасным, ни противозаконным, ни непосильным. Вы либо соглашаетесь на искреннее сотрудничество, либо я вас не нанимаю.

В этом должна быть какая-то ловушка, снова подумал я, но мои мысли уже были заняты таким баснословно высоким гонораром.

— Что именно я должен буду делать?

Он долго рассматривал меня, так что я почувствовал себя весьма неуютно.

— Как я вижу, вы не согласны на чистосердечное сотрудничество без дополнительной информации? Я должен это точно знать.

Было ли в его голосе предупреждение? Я почувствовал, что начинаю потеть. Получать по тысяче долларов в день потрясающе, но инстинктивно я чувствовал, что тут кроется какая-то ловушка... Похищение, Обезьяна, такие огромные деньги и Дюрант, который выглядел так, что его можно было заподозрить в связях с мафией, — все это вместе пугало меня. «Это не будет ни опасным, ни противозаконным, ни непосильным». Несмотря на то что мне отчаянно требовались деньги, я не хотел вслепую ввязываться черт знает во что.

— Нет, — совершенно искренне ответил я. — Я не готов согласиться на безоговорочное сотрудничество, пока вы не скажете, чего именно вы от меня хотите...

СОДЕРЖАНИЕ

В ЭТОМ НЕТ СОМНЕНИЯ	
<i>Перевод Ю. Комова</i>	5
ПРИЯТНОГО ВЕЧЕРА!	
<i>Перевод Е. Королевой</i>	211
НЕ МОЙ УРОВЕНЬ	
<i>Перевод Е. Королевой</i>	405